ПравоВыбора
№ 18 (152)

Понедельник
12 ноября - 25 ноября 2012 года

На «пятачке» под Иркутском

Почему в Елани и Жилкино так и не провозгласили собственную республику?

ОЧЕРЕДНОЙ краеведческий очерк по истории Приангарья, который наша газета предлагает своим читателям, возвращает к бурным событиям почти столетней давности. Они пришлись на годы гражданской войны, когда в водовороте тех самых бурных событий оказались тысячи людей. Водораздел зачастую проходил даже между родственниками, когда близкие люди оказывались по разные стороны баррикад. У всех, кто был вовлечен в жестокую борьбу, была своя правда, имелось собственное представление о том, как следует обустраивать жизнь.

И хотя сегодня многое из того, что связано с гражданской войной, вспыхнувшей после революционных событий 1917 года, подвергается переосмыслению, историю не повернуть вспять. Историю нельзя переписывать, ее надо знать. И делать соответствующие выводы.

Вот и мы, принимая решение о публикации очерка, исходили из того, что основу его составляют документальные факты и реальные люди, участвовавшие в памятных событиях, оставивших след в истории нашего региона. Они случились на небольшом «пятачке» между Усольем и Иркутском. В эпицентре событий оказались Больше-Жилкино, Биликтуй, Большая Елань, Китой, Цейлоты, Раздолье и другие села.

Большинство из них и сейчас на слуху у всех, поскольку там живут и работают трудолюбивые крестьяне, передавая из поколения в поколение лучшие традиции хлеборобов. Но даже и многие коренные жители этих сел не знают, что в их родных местах сто лет назад, когда Сибирь всколыхнули белочеховский мятеж и поход колчаковцев, повстанческий центр, действовавший в Жилкино, призвал к созданию самостоятельной республики. И получил поддержку местного населения. Была даже написана собственная конституция. Вот об этих знаменательных событиях и рассказывает очерк, который с полным правом можно назвать документальным.

В отряд красногвардейцев Усолья вошло около 50 человек – рабочие сользавода, спичфабрики, кожевенных мастерских. В начале июля 1918 года Усольский отряд отправился в Иркутск, а затем – на Байкальский фронт, где принял участие в боях под Култуком, станциями Слюдянка, Мысовая и Посольская

– 1 –

Осень 1918 года выдалась щедрой на непогоду и холодные ветра. Тревога поселилась и в сердцах людей, особенно пугала неопределенность. От слухов голова шла кругом, а их становилось все больше.

С тех июльских дней, когда вернулась в Усолье белая власть, жизнь словно замерла в кривых улочках села. В конце сентября потянуло холодом, вскоре полетели и белые мухи. Снег, припорошивший базарную площадь, у афишной тумбы оказался почти нетронутым. Село, обычно оживленное в эту пору, казалось пустым. Немало мужчин ушло в тайгу, на дальние заимки, чтобы не попасть под очередную мобилизацию для колчаковской армии, а те, кто остались дома, без особой нужды на улицу не высовывались.

Уличная пустота не смутила молодайку в повязанной поверх потертого жакета клетчатой шали, вышедшую с покупками из магазина Шебалина. В ней не трудно было признать жительницу окрестных мест. Бережно поставив бидон с керосином и пристроив тут же корзинку, покрытую белой тряпицей, она стала внимательно вчитываться в объявления, густо покрывавшие тумбу. Взгляд не привлекли ни яркие листки усольского иллюзиона, зазывавшие увидеть «Смертельную любовь Анны Карениной», ни реклама новых товаров иркутского мануфактурного общества, убеждавшая «подарить радость за недорогую цену».

Молодайка медленно переходила от объявления к объявлению и, наконец, нашла то, что искала. Лоскут розовой бумаги извещал о прибытии в Усолье часовых дел мастера Симона Киманя, всегда готового, как свидетельствовало объявление, «по требованию почтеннейшей публики принять в починку любые часы с ручательством на год».

Женщина смахнула с листа свежий снежок, еще раз внимательно перечитала текст и, подхватив свои покупки, заспешила в сторону курорта. Она торопилась на поезд, который раз в день ходил на станцию Ангара (ныне Усолье-Сибирское). И хотя предназначался он для отдыхающих, окрестные жители не упускали случая воспользоваться «чугункой», задабривая, кто пятаком, кто калачом кондуктора.

На станции, едва молодайка сошла на перрон, к ней подошел мужчина в промасленной куртке. Константина Нагорнова знали как местного стрелочника, но мало кто догадывался, что он большевик, опытный организатор, боевой товарищ.

Подхватив тяжелый бидон с керосином, Нагорнов заспешил к станционным постройкам, стараясь не пропустить ни слова своей спутницы.

С началом контрреволюционного переворота, сигналом к которому послужил мятеж чехословацкого корпуса, белогвардейцы стали арестовывать людей, подозреваемых в сочувствии большевикам. Аресты прокатились и по Усолью. Местные активисты сумели в основном вовремя уйти в подполье. И вот теперь, получив сигнал из Иркутска, усольская большевистская группа сообщала всем партийцам близлежащих населенных пунктов о решении губкома начать создание подпольных групп вдоль железной дороги, по селам губернии для подготовки к вооруженному выступлению.

– Варюша, ты ничего не напутала насчет гарантии? – переспросил Нагорнов свою спутницу.

– Как можно? – от обиды она приостановилась. – Там даже подчеркнуты эти слова «с ручательством на год».

– Не обижайся, – Нагорнов дружески пожал ее руку, – как, снова поедешь, сдашь в ремонт мой «брегет», если не трудно?

– 2 –

Скромное объявление часовых дел мастера и было как раз тем условным сигналом, требовавшим усиливать партийную работу в изменившейся обстановке в нелегких условиях подполья.

В тот же день о директиве центра узнали большевистские группы, действовавшие на железнодорожных станциях Мальта и Тельма, на Хайтинской фарфоровой фабрика. На время расстаться с железной дорогой пришлось и Нагорнову. Так решили партийцы станции Ангара. По их мнению, лучше всего ему было перебраться к знакомым в Большое Жилкино – село по тем временам довольно отдаленное и глухое. К тому же оно входило в пределы Иркутского уезда и административно было отделено от Усолья.

Сборы много времени не заняли. И на другой день, к вечеру, Нагорнов оказался на новом для себя месте. Село, проводившее еще один трудовой день, казалось, жило мирной жизнью. Из труб тянулся дым, время от времени раздавалось коровье мычание, подавали голос собаки, учуяв незнакомого человека.

«Я – доброволец!» – листовки с броским призывом вступать в колчаковскую армию были расклеены по всему Приангарью

Но и здесь, в таежном углу, уже почувствовали всю злость народившейся новой власти, опиравшейся на колчаковские штыки. Об этом Нагорнов узнал в тот же вечер, когда, устроившись с кровом, сел за хозяйский стол, на котором по особому случаю были выставлены сверкавший медью самовар и фарфоровые чашки – в знак уважения к гостю.

– А как насчет службы у колчаковцев? – Нагорнов сумел вставить вопрос, когда хозяин в очередной раз потянулся к самовару.

– Силком тащат. Вторую мобилизацию объявили. Только не всех перехитрить удается. Те, кто поздоровее, давно в лес подались. Нет у крестьян резону быть против советов.

Долго в тот вечер не мог заснуть на новом месте бывший железнодорожник. Услышанное совпадало с оценкой положения, которая давалась сложившейся ситуации в директиве губкома партии. Нагорнов хорошо запомнил строки из документа, нацеливавшие партийцев на активную борьбу с противником, на стороне которого оказался временный перевес.

– 3 –

Власть «Верховного правителя» Колчака становилась все более ненавистной в народной массе. Директива губкома, оценивая обстановку, требовала смело идти на повсеместное создание подпольных большевистских групп для организации мощного движения против колчаковщины.

Сидеть в такой обстановке сложа руки было нельзя. Усольские товарищи, принимая решение о переезде Нагорнова в Большое Жилкино, надеялись, что он сумеет там активизировать партийную работу. В селе есть надежные люди, готовые не пощадить себя за победу новой жизни. Вскоре все они оказались в тесном контакте. В группу вошли Лехин, Березин, Макаров, Зверев, Быстров. Не жалели они сил в организационной работе. Искали надежных помощников, устанавливали связи с Култуком, Еланью, Раздольем и другими близлежащими селами. Особая гибкость требовалась, чтобы вести агитацию. И с каждым днем инициативная группа чувствовала себя все увереннее, что придавало сил для энергичных действий.

Нагорнов, устроившись в волостную земскую управу, получил возможность регулярно бывать в Цейлотах, Низовцеве, Култуке, других деревнях. Теперь он мог безбоязненно заводить знакомства, изучать людей. Пропуском в группу служило обязательное выполнение поручения. Вскоре в нее влились Григорий и Василий Кузьмины, Иван и Петр Куракины, Иван Буйлов.

Пришла пора готовиться к партизанской борьбе, а для этого требовалось учиться военному делу, запасать оружие и боеприпасы.

Постепенно возникла идея образовать повстанческий центр Большой Жилкинской и Большой Еланской волостей. К концу 1918 года такой центр был создан, в него вошли Г.В. Поргачев, К.Ф. Кузьмин, И.И. Лехин и К.И. Нагорнов.

– 4 –

Центр первым делом определил боевые группы, включив в их состав проверенных в деле людей. В Елани вся тяжесть руководства легла на плечи Г.В. Поргачева – одного из бывших организаторов первого Совета села. Он был арестован белогвардейцами в момент свержения советской власти вместе с другими активистами – А. Бояркиным, Ф.В. Бояркиным, П.П. Куркутовым, Н.А. Соболевым. Их жестоко избили. Поргачеву офицер нанес удар шашкой по голове, Соболеву выбили глаз. Выручили крестьяне, не побоявшиеся оказать помощь землякам и доставить их к медикам.

Подлечившись, Соболев переехал в Иркутск, где устроился курьером в губернскую земскую управу и установил связи с местными подпольщиками. Поргачев вновь оказался в Елани, поступил работать в кооперацию. Ему удалось по нуждам кооператива бывать в Иркутске, где он отыскал Соболева. Через него повстанческий центр стал получать указания иркутских подпольщиков, добивавшихся координации действий по всей губернии.

После одной из поездок в Иркутск Поргачев доложил о порученном задании:

– Нужна помощь бойцам Нестора Каландаришвили. Мало у них боеприпасов, да и с хлебом плохо...

Долго думали, как незаметно переправить за Усолье, на ангарские острова, где базировался отряд Каландаришвили, оружие и боеприпасы, запас которых постепенно скопился у повстанцев. Так стали именовать всех, кто примкнул к повстанческому центру. Надежные люди нашлись. Одним из них оказался Костя Быстров. Он, пожалуй, был моложе всех, и это не раз выручало. Мало кто мог заподозрить юношу в революционной работе, и он успешно выполнял поручения связного.

Ответственный груз дошел по назначению. «Дедушка» Каландаришвили благодарил за помощь. Потом еще не раз из Жилкино и Елани получал его боевой отряд столь необходимые боеприпасы, продовольствие.

– 5 –

Постепенно помощь партизанским отрядам стала постоянной.

В феврале 1919 года Иркутский комитет партии провел совещание Иннокентьевской партийной организации по вопросу активизации вооруженной борьбы. Решено было организовать партизанский отряд в зоне Транссиба. Это решение добавило работы подпольщикам, действовавшим вдоль железной дороги. Усольские коммунисты, использовав связи подпольщиков Тельмы, Мальты, Большого Жилкино, провели операцию по изъятию оружия из воинского эшелона. И оно без промедления ушло к партизанам. Это еще больше укрепило контакты между отдельными группами, придало уверенности в собственных силах.

Большежилкинцы прочную связь установили с Мальтинской подпольной организацией, возникшей весной 1919 года.

Используя опыт, налаженные каналы связи, мальтинцы успешно переправили в отряд Каландаришвили партию винтовок и патронов, которые были спрятаны в лесу при отходе красногвардейцев еще в 1918 году.

Росли и силы жилкинского повстанческого центра. На одном из заседаний Поргачев с удовлетворением докладывал:

«В Елани имеем крепкое ядро. В повстанческую группу приняты Шевелев, братья Бояркины, трое Берзяниковых, Поргачев, Коробейников, Саранцев, Беляев. Моя правая рука Бердников, помощник надежный».

Обсудили положение в других селах. Повстанческому центру удалось распространить влияние и на соседние волости – Китойскую и Раздольническую. Слово правды давало всходы. Все больше людей сознавало, что мало просто ждать, когда падет колчаковская власть, надо самим толкнуть ее в пропасть...

– 6 –

Опасность всегда была рядом. Как-то Нагорнову передали письмо. Адресовано оно было начальнику военного района Иркутска. Писал некто Войцеховский, Да только сплоховал, отправив свой донос с одним из повстанцев. Вот и попало оно по самому точному адресу. Говорилось в письме о молодом человеке по фамилии Нагорнов. Живет в Большом Жилкино, уклоняется от службы в белой армии и потому очень подозрителен. Наблюдательным оказался автор доноса. Не забыл торговец напомнить и о себе, упомянув пару раз о двух своих сыновьях, служивших в колчаковских отрядах.

Письмо, оказавшееся тревожным сигналом, заставило усилить бдительность, больше думать о конспирации.

И все-таки ареста Нагорнову избежать не удалось. За ним, человеком в селе новым, местные кулаки следили с особым вниманием. По их доносу арестовывать одного из вожаков повстанческого центра прибыл отряд вооруженных чехов. Вот тут-то и сказался авторитет, накопленный подпольщиками.

Забурлившее село устроило нечто вроде общего собрания, на котором твердо решило настаивать на освобождении арестованного. Выделили даже специальных уполномоченных вести переговоры. Так Нагорнов вскоре вновь оказался на свободе.

Не дали в обиду активистов еланские крестьяне. Белогвардейцы схватили Шевелева, Куркутова, Костоломова. В последний момент от них ушел Поргачев. Чтобы больше не испытывать случая, он вынужден был перейти на нелегальное положение.

– Надо выручать товарищей, – говорил Поргачев своему помощнику Бердникову. – Попробуй поднять деревню.

Долгих речей не было. Решили настаивать на освобождении арестованных. В помощь Бердникову для переговоров с властями выделили двух толковых мужиков. В конце концов, арестованных удалось вырвать из лап колчаковцев. Это была новая победа повстанцев, авторитет которых быстро рос. Они стали внушительной силой среди крестьян.

– 7 –

Борьба, на которую поднимали большевики крестьян Большого Жилкино и других близлежащих сел, была лишь небольшой составной частью революционного движения, охватившего губернию. Повсюду сторонники Советской власти чувствовали крепнущую поддержку, все активнее развертывалась вооруженная борьба против колчаковщины. Сибирский комитет под председательством А. А. Ширямова в особом обращении к сибирским организациям так определял положение колчаковского тыла: партизанское движение, руководимое большевиками, охватило всю Сибирь, и потому интервенты и белогвардейцы вынуждены держаться только узкой полосы вдоль железной дороги.

Для закрепления и развития успехов в борьбе против колчаковщины Сибирский комитет вел работу по всем направлениям.

Зимой 1918–1919 гг. были предприняты меры по расширению и укреплению связей с партийными организациями, подпольными группами, действовавшими в Черемхово, Усолье, Половине, Зиме, Заларях, Тулуне.

Комитет командировал на места своих представителей. Они установливали связи, создавали явочные квартиры и давали указания, как вести нелегальную работу. Благодаря такой помощи в самом начале 1919 года подпольная группа сформировалась и у хайтинских фарфористов в Мишелевке, где заводской коллектив отличался пролетарской закалкой.

Все прочнее и увереннее чувствовали себя подпольщики Большого Жилкино, Елани и соседних сел. Работа, проводимая в течение многих месяцев, приносила зримые результаты. Крестьяне открыто стали высказываться за быстрейшее восстановление Советской власти. Сибирское трудовое крестьянство, руководимое рабочими и их партией, поняло: либо диктатура капиталистов и кулачья, либо победа Советов. Третьего не дано.

– 8 –

Единодушно решили создать в Большом Жилкино свой Совет, не дожидаясь прихода Красной Армии. В условиях подполья постарались обеспечить в первом Совете широкое представительство. Поскольку свое влияние он распространял не только на Большое Жилкино, но и на ряд других окрестных сел, Совет стали именовать районным. Возглавили его К. Нагорнов и Г. В. Поргачев.

Среди первоочередных забот Совет выделил для себя важнейшую: постоянно расширять, «вести день и ночь» агитационную работу среди населения за свержение власти колчаковцев. Все тянулись к известиям, поступавшим из Иркутска. Белые газеты до глубинки доходили изредка, да и мало кто им верил из-за откровенного вранья. Вот и тянулись люди с нетерпением к листовкам большевиков, которые распространяли члены Совета. В одной из них содержался призыв объединяться в ячейки, партизанские отряды. Простой язык листовки, четкая оценка приближающегося краха колчаковщины быстро доходили до сознания людей. Они всем сердцем воспринимали призыв, которым заканчивалась листовка:

– Только при напряженной революционной борьбе, – провозглашалось в ней, – вы сможете свергнуть Колчака и соединиться с идущими на ваше освобождение войсками Красной Армии. Так не медлите же – и вперед!

Шаг за шагом велась кропотливая работа, окончательно восстановившая людей против колчаковской власти. Постепенно становились видны ее результаты. Все чаще при очередной мобилизации молодые оказывались «на охоте» на дальних заимках, откуда месяцами не возвращались домой. Росло число контрибуций и обложений, но не прибавилось в колчаковских амбарах хлеба и скота. Помня большевистские призывы, не торопились мужики кормить белых, всячески ухитряясь прятать пшеницу, лошадей, коров. Выручала тайга, вплотную подступавшая к сельским околицам...

Борис Краинский

(Продолжение следует)